

КАЗАК, МОНАХ, ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

Вадим СИЛАНТЬЕВ, г.Магадан

Дальний Восток и Крайний Северо-Восток России осваивали и покоряли мужественные, отважные люди. Первопроходцами земель, неведомых прежде россиянам, чаще всего становились казаки, состоявшие на государственной службе. Вслед за ними шли православные миссионеры. Однако русская история знает немало лиц духовного сословия, бывших не только миссионерами, но и открывателями новых земель. Таким человеком был монах Игнатий, в миру Иван Петрович Козыревский (1680 — 1734).

Жизнь И.П. Козыревского сложна и драматична: казак и бунтарь, землепроходец, картограф и этнограф, монах-миссионер и строитель храмов. Непосредственный участник и свидетель бурных событий в Сибири и на Дальнем Востоке начала XVIII в., Козыревский встречался с выдающимися деятелями того периода русской истории — легендарными казачьими атаманами В.Атласовым, А.Шестаковым, первым камчатским архимандритом Мартинаианом, «российским Колумбом» В.Берингом, известными камчатскими приказчиками (то есть комендантами) И.Енисейским, В.Колесовым и многими другими.

Впрочем, по порядку. Основателем сибирского рода российских государевых казаков Козыревских был мелкий польский шляхтич Федор Козыревский, взятый в плен под Смоленском во время русско-польской войны при царе Алексее Михайловиче. Сосланный в Якутск, он записался в казаки, женился и, как говорится, пустил корни. Сын бывшего шляхтича казак Петр вместе с тремя сыновьями был послан в 1700 г. на недавно присоединенную к России Камчатку «для умирения и призыву инородцев» в российское подданство и «ясашный платаж». В 1705 г. Петр Федорович Козыревский погиб в стычке с ительменами (камчадалами) у реки, которая с тех пор называется его именем. А Иван с братьями продолжал служить под началом знаменитого казачьего атамана Владимира Васильевича Атласова (около 1661/64—1711) — «камчатского Ермака». В 1702—1703 гг. они участвовали в строительстве Верхнего и Нижнего камчатских острогов — рубленых крепостей.

В 1710 г. грамотный казачий десятник Иван Козыревский служит в камчатском остроге Большерецком, который сам и строил. Наделенный пытливым умом, Козырев-

ский стремится как можно больше узнать о землях, в которых несет тяжелую службу. Уже тогда он неплохо представляет географию тех мест, знает, что к югу от Камчатки, на побережье Ламутского (Охотского) моря, расположены казачья крепость Тауйск и туземный острог Ола, собирает сведения об еще не исследованных Курильских островах и далеком «Алонском (то есть Японском. — В.С.) государстве»...

В начале 1711 г. Иван Козыревский примкнул к казачьему бунту против властного и жестокого Атласова, закончившемуся гибелью последнего. Казаки выбрали своим атаманом Даниила Яковлевича Анциферова (Данилу Анциферова, как тогда писали), а Козыревского — есаулом. Под их руководством казаки продолжали нести государственную службу — собирали ясак, осваивали новые земли. Надеясь полностью оправдаться перед сибирскими начальством, руководители бунта решили самостоятельно организовать исследовательскую экспедицию на «неведомые» Курильские острова. В том же году Козыревский и Анциферов на больших байдаках переправились на первый из островов Курильской гряды — Шумшу. Многочисленные аборигены встретили их воинственно, но после сражения признали превосходство пришельцев и, заплатив ясак, дали согласие подчиняться «Белому Царю». Однако дальше первого острова казаки не пошли, и осенью 1711 г. Козыревский «со товарищи» вернулся в Большерецк. Этот год и считается датой открытия Курильских островов.

В 1712 г. Анциферов и его 25 казаков погибли, сражаясь с ительменами, а Козыревский опять совершил поход на Курилы. Однако он оказался неудачным — казаки не смогли высадиться на островах, но все же тщательно обследовали восточное побережье Камчатки. Козыревский составил весьма подробный «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря». Эту карту он составлял, используя рассказы жителей Японских островов, корабли которых разбились у берегов Камчатки, и показания местного населения. В том же году Козыревский передал отчет об экспедиции и карту недавно прибывшему из Якутска новому коменданту Верхнекамчатского острога В.Колесову.

Иван Козыревский умел ладить с людьми, его уважали не только рядовые казаки, но и туземцы, а также лица, облеченные властью. Он много общался с первым камчатским архимандритом Мартинаианом, с 1705 г. миссионерствовавшим в тех краях, который в некоторой степени умножил его образованность. Камчатский архимандрит благословил Козыревского на третий поход к Курилам. И вот в 1713 г. Козыревский во главе 55 служивых русских людей и 11 крещеных ительменов вновь отправился «для проводывания морских островов и Апонского осударства» (причем эту экспедицию он снарядил на свои средства); вместе с ним был японец Сана с разбившегося судна. Есаул Козыревский на сей раз посетил два Курильских острова (по другим сведениям — три). И опять он составил «...чертеж как Камчадалского носу, таюж и Морским островам...». Кстати, на том чертеже обозначены и старинные поселения Магаданской области — Тауйск и Ола. Конечно, до Японии экспедиция Козыревского

дойти не могла — из-за отсутствия компасов, хороших парусов и другого морского снаряжения.

В 1714 г. новая карта и подробный отчет были переданы камчатским приказчиком Колесову и Енисейскому, которые, отправившись в Якутск с собранной «ясашной казной», оставили есаула Козыревского управлять Камчаткой. Однако в том же году на территории, соответствующей северной части современной Магаданской области, вспыхнуло крупное восстание ясажных юагиров и коряков. Приказчики Енисейский и Колесов, доставлявшие оброк, погибли от рук туземных мятежников.

Узнав об этом, Иван Козыревский в 1715 г. основательно укрепил Верхний и Нижний камчатские остроги.

Управлял Камчаткой наш герой очень рачительно — за время своего правления он собрал много ясака для казны государевой (в том числе и с двух Курильских островов), а по просьбам больных, старых, раненых и отставных казаков, которые «за неимуществом прибежища скитались по разным острогам меж двор», он на свои средства построил Камчатскую Пустынь — часовню с кельями при ней, «где можно от трудов довольствоваться».

В 1716 г. на Камчатку присылают новых комендантов-приказчиков. Козыревского отстраняют от руководства, совершенно не замечая его заслуг. Огорченный и униженный, казачий есаул приходит к архимандриту Мартиниану, и тот склоняет его постричься в монахи. Так казак Козыревский перестал называться Иваном, а получил новое имя — Игнатий. Собственно, была еще одна причина для пострига — Ивана Петровича тяготило участие в бунте против атамана Атласова, закончившемся смертоубийствами.

...Инок Игнатий оказался не менее деятелен, чем казачий предводитель Иван Козыревский. В 1717 г. «немирные» ительмены убили архимандрита Мартиниана, и наш герой занял его место. Следует отметить, что в те времена многие православные священники отказывались служить и миссионерствовать на Крайнем Северо-Востоке. Но монах Игнатий не мыслил своей жизни вне «малой родины» на дальней окраине России. Три года возглавлял он православную церковь Камчатки. Им была любовно обустроена Успенская обитель, основанная Мартинианом; он привел к православной вере не одну сотню аборигенов.

Во многом бескорыстный энтузиаст, не терпящий унижений и несправедливости, отец Игнатий не мог признать главенства над

Русская карта Камчатки (1722), опубликованная в атласе И.Б. Гомана 1725 г.

нял участие в строительстве Покровского монастыря, а в 1722 г. — в возведении Спасской обители.

Но уж очень непокорным оказался этот монах. Он пишет жалобы в Петербург и Москву, требуя возврата честно нажитого имущества, постоянно указывая на беззастенчивое хищение государственных средств местными чиновниками. В этих челобитных он подчеркивает свои небольшие заслуги перед Отечеством.

Однако у «сильного всегда бессильный виноват», а в России спокон веку «тот прав, у кого больше прав». Против неукротимого Игнатия-Ивана в 1724 г. власть имущие затевают новое судилище и сажают его в Спасском монастыре на цепь. В документах тех лет опять фигурирует его личное имущество (на этот раз на 1500 рублей), которое присваивается светской властью.

И вот неукротимый монах Игнатий бежит из-под стражи, судится с именитыми обидчиками, и в 1726 г. оправдывается служителями российской Фемиды. Оправданный инок Игнатий просится на Курилы,

собираясь организовать новое плавание к берегам Японии. 6 июня 1736 г. он встречается в Якутске с Витусом Берингом. Козыревский представляет командору свои чертежи и карты Курильских островов, рассказывает о Японии. Но в экспедицию странного всезнайки-монаха не берут...

В 1727 г. неистовый инок подается в Тобольск, где, обращаясь к высокопоставленным чиновникам, как светским, так и церковным, надеется получить полную реабилитацию и возратить конфискованное имущество. Здесь он близко сходится еще с одним «русским Колумбом» — якутским казачьим головой Афанасием Федотовичем Шестаковым, который стремился закрепить русские владения на побережье, на Анадыре и

мечтая организовать новое плавание к берегам Японии. 6 июня 1736 г. он встречается в Якутске с Витусом Берингом. Козыревский представляет командору свои чертежи и карты Курильских островов, рассказывает о Японии. Но в экспедицию странного всезнайки-монаха не берут...

В 1727 г. неистовый инок подается в Тобольск, где, обращаясь к высокопоставленным чиновникам, как светским, так и церковным, надеется получить полную реабилитацию и возратить конфискованное имущество. Здесь он близко сходится еще с одним «русским Колумбом» — якутским казачьим головой Афанасием Федотовичем Шестаковым, который стремился закрепить русские владения на побережье, на Анадыре и

на Чукотке, а также мечтал колонизировать Аляску.

А.Ф. Шестаков выдает инок Игнатию премию за прежние заслуги — 10 рублей (для сравнения: примерно столько или чуть больше составляло годовое денежное жалование рядового сибирского казака; толмач и подьячий при иностранном российском консуле или торговом агенте получали по 100 рублей в год; добрая лошадь в ту пору стоила 5 рублей. — Ред.), добивается его полной реабилитации и уговаривает отправиться с ним в «великую экспедицию». В документах, выданных нашему герою, сибирский губернатор указывает, что неугомонный монах «отдан» в исследовательскую партию, и пока «великая экспедиция» Шестакова не выступит из Якутска, «жить ему, Козыревскому, в Спасском монастыре свободно и утешения ему за многие службы не чинить, но показывать к нему благодеяние».

Пока казачий атаман Афанасий Шестаков основательно готовился к экспедиции, он назначил инока Игнатия командиром судна «Эверс» (которое тот построил за свой счет, а возможно, за счет монастыря) и с двумя опытными матросами и 24 служилыми казаками отправил его в 1728 г. на исследование берегов реки Лены и изучение ее устья — выхода в Северный Ледовитый океан. Игнатий честно и разумно выполнил сложное поручение. Не доходя до устья Лены, он меняет тяжелое судно на более проходимый карбас, который покупает за 17 рублей у тамошнего священника Нила Юрганова. На том карбасе добираются они до выхода в Ледовитый океан, проводят промеры глубин в многочисленных рукавах реки, изучают течение и приливы. Как и в предыдущих исследовательских походах, инок Игнатий собирает ценную информацию от местных жителей. Благодаря этим сведениям он находит удобный выход в океан. До этого было два неудачных изыскательских похода в Ленское устье...

Вернувшись в Якутск 5 января 1729 г., Игнатий ждет заслуженной награды. В Тобольске оценили полезные для государства деяния монаха и назначили его возглавить строительство Успенского монастыря на Камчат-

ке, с богадельней для раненых и престарелых казаков, а также обязали якутское духовенство поддержать отважного землепроходца и миссионера деньгами. Но местный архимандрит, давний соперник Козыревского, отказывается выполнять указания светских властей. Более того, якутский архимандрит запрещает строительство нового камчатского монастыря и удерживает у себя церковную утварь, присланную от тобольского митрополита Антония для отца Игнатия. Возмущенный очередной несправедливостью, тот отказывается принимать участие в экспедиции Шестакова и подается искать правды в Москву.

В 1730 г. Игнатий, уже из Первопрестольной, обращается в Синод с просьбами: содействовать в возврате ему разграбленного сибирскими чиновниками личного имущества и укреплении камчатской миссии, а именно — в строительстве Успенского монастыря. До Синода доходили сведения о многих благих деяниях инока, и отцами Русской Церкви он был рукоположен в иеромонаха. С ведома Синода иеромонах Игнатий дважды обращался в Сенат по поводу возврата своего имущества или выдачи взамен денег. 11 декабря 1730 г. вышел сенатский указ — о выдаче Игнатию (Козыревскому) за заслуги перед Отечеством награды в 500 рублей. Этот указ также подтвердил разрешение на строительство на Камчатке Успенского монастыря. Вот оно, признание заслуг! Вот она, большая победа! Но утраченное имущество, почти на 7000 рублей, и на этот раз не пожелали вернуть... Иеромонах решил писать жалобу на имя императрицы Анны Иоановны: царица-де поможет! Однако злодейка судьба распорядилась иначе — уехать из Москвы победителем Игнатию не удалось. Эпоха правления Анны Иоановны недаром известна как «бириновщина», по имени царского фаворита-немца. О тех временах митрополит Дмитрий (Сеченов) писал так: «Догматы христианские в басни и ни во что поставляли; ...архиереев, священников, монахов мучали, казнили, расстригали...». Пострадал и иеромонах Игнатий. На него поступил очередной донос об участии в бунте против Ат-

ласова, были выдвинуты сфабрикованные обвинения в злоупотреблении властью и т.д. Он был расстрижен и посажен в московскую тюрьму... 2 декабря 1734 г. из Сысского приказа в московскую контору Сената поступило сообщение о смерти Ивана Петровича Козыревского.

Так закончилась жизнь мужественного человека, коренного сибиряка, дальневосточника — жизнь, полная борьбы и гражданских подвигов.

Конечно, у каждого человека своя судьба. У одних она весьма удачная — совершил однажды что-нибудь примечательное и, пожалуй, вечная слава (вспомните того же Витуса Беринга); у других — вроде участи Козыревского: хоть наизнанку вывернись, а награды не дождешься. Может быть, потом, после смерти, да и то — как сложится... Кстати, почти сразу после кончины императрицы Анны Иоановны, в 1741 г., начали массово освобождать из тюрем, возвращать из ссылки, реабилитировать священнослужителей, пострадавших от бироновских репрессий...

Краткая библиография

Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.

Басин И. Святитель Софроний Иркутский // Северные просторы. 1992. №3—4.

Гольденберг Л.А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан, 1984.

Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725 — 1765 гг. М., 1960.

Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 1996.

Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989.

Международные связи России в XVII — XVIII вв. М., 1966.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск. 1982.

Семенов А.В. Землепроходцы. М., 1976.

Смолин И.К. История Русской Церкви. 1700 — 1917. Т.8 (Ч.2). М., 1997.

Черевко К.Е. Игнатий Козыревский — автор описания Японского государства // Проблемы Дальнего Востока. 1975. №2.

Рисунок Евгения СУМАТОХИНА

НА СТЫКЕ ДВУХ МЕХАНИК

Возможно ли безопорное движение — то есть самодвижение центра масс системы, которая считается изолированной от внешней среды? Согласно классической механике Ньютона — нет; Эйнштейн тоже не верил в возможность движения тел за счет внутренних сил. Но это явление способно возникать, так сказать, на стыке классической и релятивистской механики.

Представим себе два независимых тела; масса одного из них намного больше массы другого. Пусть на эти тела некоторое время действуют две равные и противоположно направленные силы. В соответствии с законами классической механики, центр масс такой системы не может сместиться в пространстве; согласно той же классической механике, тело с меньшей массой станет двигаться с большим ускорением и приобретет большую скорость, чем более массивное тело.

Но, в соответствии с теорией относительности, масса тела возрастает со скоростью, то есть масса меньшего тела станет увеличивать-

ся значительно сильнее, чем масса большего тела. Поэтому тело с большей массой будет вести себя в соответствии с законами классической механики, а масса меньшего тела станет увеличиваться в соответствии с законами теории относительности. И если спустя некоторое время эти тела остановить, подействовав на них противоположно направленными силами, то окажется, что их суммарная масса осталась такой же, как тогда, когда они покоились. Но ведь тела из-за разных ускорений и скоростей преодолели расстояния, отличные от предписываемых классической механикой, и поэтому их центр масс сместится на какую-то пусть малую, но конечную величину в сторону движения малой массы.

А теперь, если сблизить тела с меньшим ускорением, чем они приобретали при разлете в разные стороны, то, после их возвращения на прежнее место, центр тяжести системы останется смещенным. Значит, повторяя эту процедуру многократно, можно заставить систему

двигаться в пространстве в определенном направлении исключительно за счет внутренних сил, не нарушая при этом ни законов классической механики, ни законов теории относительности.

Сергей МАКУХИН, г.Ангарск

ОТ РЕДАКЦИИ. Рассуждения автора, которые, на первый взгляд, кажутся безупречными, хотя и парадоксальными, содержат одну скрытую ошибку. Действительно, следуя его логике, надлежит признать, что после того, как тела разлетятся в разные стороны, их центр масс сместится относительно первоначального положения. Но чтобы вернуть эти тела в исходное состояние, оставив смещенный центр масс, на них следует подействовать противоположно направленными, но уже НЕ РАВНЫМИ силами, которые могут быть лишь ВНЕШНИМИ по отношению к системе. А если эти силы имеют ВНУТРЕННЕЕ происхождение и РАВНЫ друг другу, то центр масс сместится в прежнее положение, и никакого самодвижения происходить не будет, сколько бы раз мы ни повторяли предлагаемую процедуру. Так что Эйнштейн не зря не верил в безопорное движение... ■